

XV 63
II

1
Госуд. регионал
спд. а. Д. нина
Г. о. о. а
О. С. И. В.
В. И. Д. НИНА

МУРЗИЛКА

№ 1

Журнал ЦК ВКСМ
для школьников младших классов

Январь
1949

Н. НЕЗЛОБИН

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

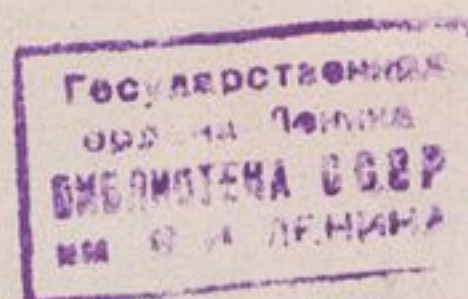
Ленин жив!

Без него у кремлёвских башен
Двадцать пять миновало лет.
Ленин умер,
Но в сердце нашем
Он живёт, как тепло, как свет!

И попрежнему, как в начале
Революции и войны,
Сталин
Думает с ним ночами
Перед картой родной страны.

Владимир Ильич Ленин

№ 50-1334

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

В музее Ленина

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
«Я поведу тебя в музей!»
Сказала мне сестра.

Вот через площадь мы идём
И входим, наконец,
В большой красивый красный дом,
Похожий на дворец.

Из зала в зал переходя,
Здесь движется народ.
Вся жизнь великого вождя
Передо мной встаёт.

Я вижу дом, где Ленин рос,
И тот похвальный лист,
Что из гимназии принёс
Ульянов-гимназист.

Вот книжки выстроились в ряд —
Он в детстве их читал,
Над ними много лет назад
Он думал и мечтал.
Он с детских лет мечтал о том,
Чтоб на родной земле
Жил человек своим трудом
И не был в кабале.

За днями дни, за годом год
Проходят чередой.
Ульянов учится, растёт,
На сходку тайную идёт
Ульянов молодой.

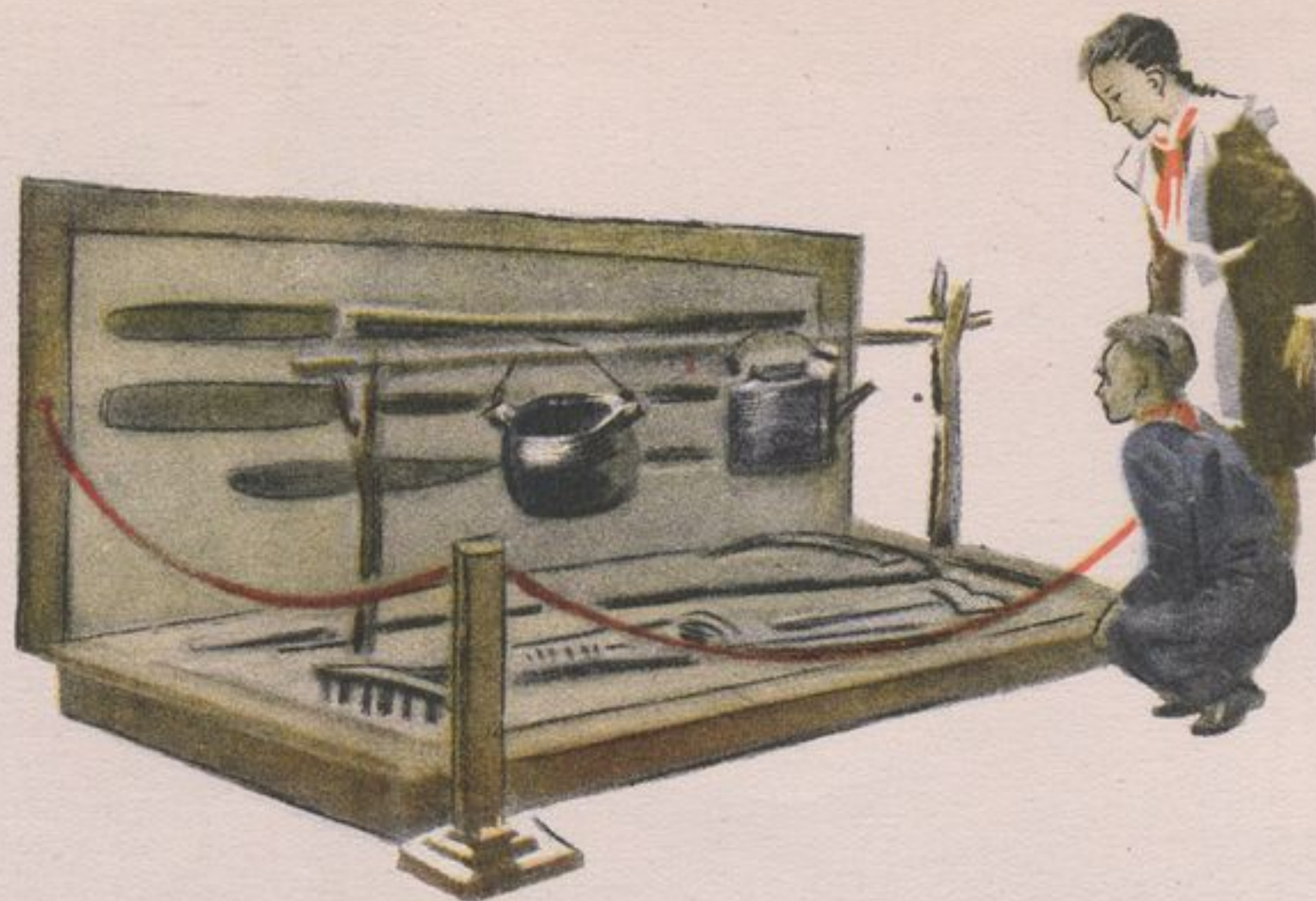
Семнадцать минуло ему.
Семнадцать лет всего!
Но он — борец! И потому
Бойтся царь его!

И вот он выслан...
Вот опять
Он там, где жизнь кипит:
К рабочим едет выступать,
На сходках говорит.
Идёт ли он к своим родным,
Идёт ли на завод —
Везде полиция за ним
Следит, не отстаёт.

Опять — донос, опять — тюрьма
И высылка в Сибирь...
Долга на севере зима,
Тайга и вдаль и вширь.
В избе мерцает огонёк,
Всю ночь горит сзеча.
Исписан не один листок
Рукою Ильича.

И вот листок из дневника
Лежит перед тобой,
Листок, где каждая строка
Зовёт в последний бой!..

Мы переходим в новый зал.
И громко, в тишине
«Смотри, Маруся, — я сказал, —
Картина на стене!»

И вот мы видим тот шалаш
У финских берегов,
В котором вождь великий наш
Скрывался от врагов.

Коса, и грабли, и топор,
Рыбацкое весло...
Как много лет прошло с тех пор,
Как много зим прошло!

Уж в этом чайнике нельзя,
Должно быть, воду греть,
Но как нам хочется, друзья,
На чайник тот смотреть!

Как дорог нам любой предмет,
Хранимый под стеклом,
Предмет, который был согрет
Его руки теплом.

Перо. Его он в руки брал
Подписывать декрет.

Часы. По ним он узнавал,
Когда идти в Совет.

Подарок земляков своих,
Красноармейцев дар —
Шинель и шлем. Он принял их,
Как первый комиссар.

По всей стране в те годы шла
Гражданская война,
В большой опасности была
Советская страна.

Мы видим бланки телеграмм
На фронт и в Совнаркоме,
И этот почерк дорог нам
И с детства нам знаком!

Шлёт Ленин Сталину привет.
«Скажите, как дела?»
Пришёл от Сталина ответ
Такого-то числа.

Пройдёт и сто, и двести лет,
И триста лет пройдёт,
Но каждый снимок и портрет,
Любую вещь, любой предмет
Здесь сохранит народ.
Чтоб люди всей большой земли
Сюда, в музей, войдя,
Узнать и изучить могли
Большую жизнь вождя.

Он с детских лет мечтал о том,
Чтоб на родной земле
Жил человек своим трудом
И не был в кабале.

Чтоб в мире не было господ
И не было рабов,
Чтоб весь трудящийся народ
Имел и хлеб и кров.

И правотой своих идей,
Великий человек,
Он всех трудящихся людей
Объединил навек...

Мы видим кресло Ильича
И лампу на столе.
При этой лампе по ночам
Работал он в Кремле.

Здесь за столом Ильич сидел.
Писал, глядел в окно...
Как много разных важных дел
Здесь было решено!

И здесь со Сталиным не раз
Советовался он...
Весь кабинет его сейчас
В музей перенесён.

Вот фотографии висят.
Мы снимок узнаём:
На нём великий Ленин снят
Со Сталиным вдвоём.

И вдруг встречаем мы ребят
И узнаём друзей:
То — юных ленинцев отряд
Пришёл на сбор в музей.

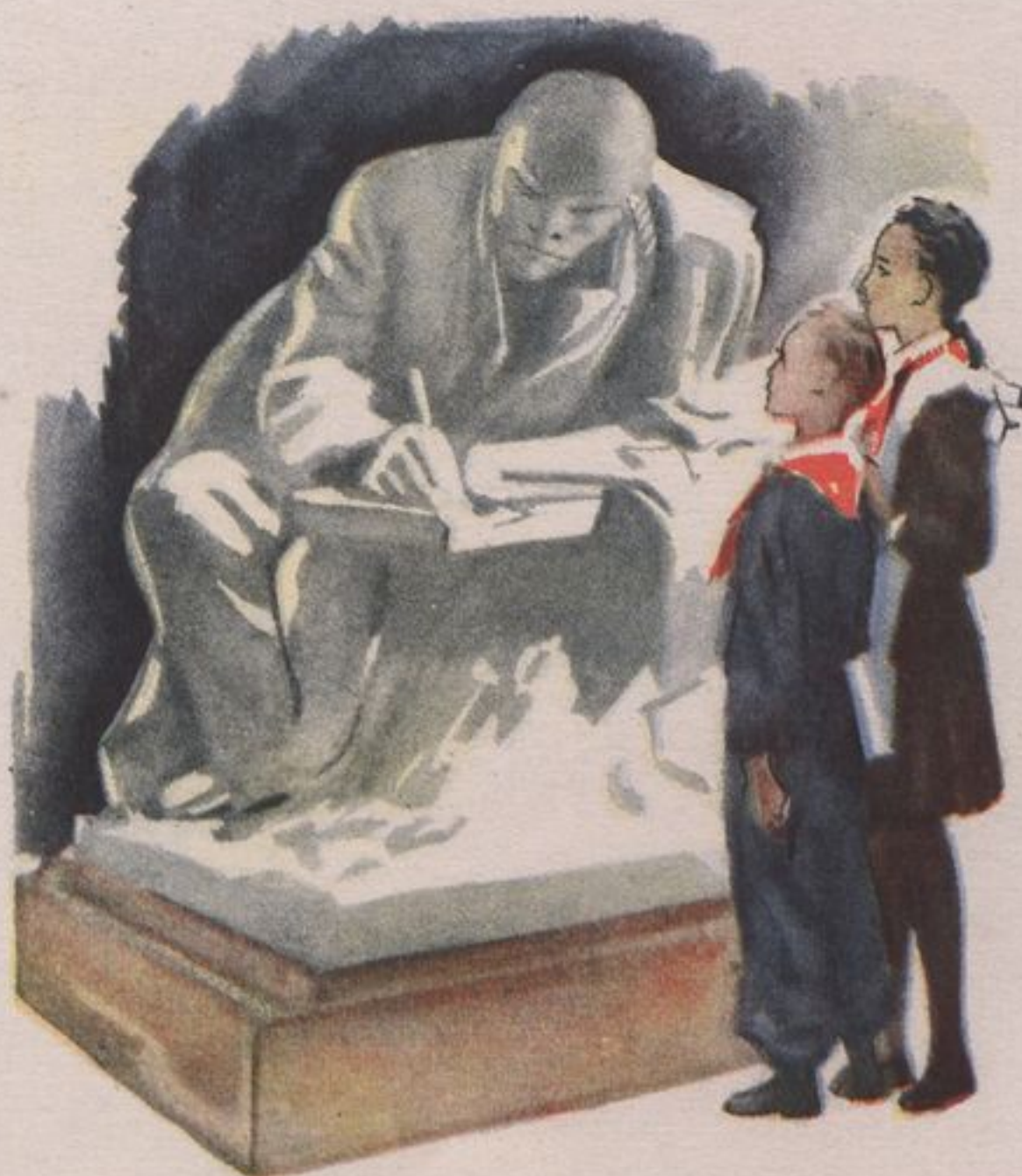
Они стоят, плечом к плечу,
У них спокойный вид,
И Сталин что-то Ильичу
С улыбкой говорит.

Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву Ленину они
Торжественно дают:

Согласно бьются их сердца,
И цель у них одна,
И этой цели до конца
Вся жизнь посвящена!

«Клянёмся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же родине служить,
Как Ленин ей служил!

Клянёмся ленинским путём —
Прямее нет пути! —
За нашим другом и вождём —
За Сталиным итти!»

За ёлкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покудрявее, срубили и привезли в лесную школу.

Ребята видели, как прибили ёлку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтер Володя провёл проволоку для освещения ёлки и подвесил к веткам электрические лампочки.

На следующий день, чуть не с самого утра, стали ждать Владимира Ильича Ленина. Ещё светло было на дворе, а ребята то и дело спрашивали школьного завхоза:

— А что, если Ленин не приедет?

— А если метель опять будет, Ленин приедет всё-таки или нет?

Завхозом был старый петроградский рабочий. Он знал Ленина ещё до революции. Потому-то именно его и спрашивали. И он отвечал уверенно:

— Раз Ильич сказал, что приедет, значит приедет.

Наступил вечер. Метель и в самом деле поднялась. Засвистел в соснах ветер, сухой снег закружился по земле белыми змейками. А потом с неба повалили белые хлопья.

Ёлка была уже убрана. Все игрушки делали сами ребята. Тут были и медведи, и зайцы, и слоны. А лучше всех был румяный дед Мороз с белой бородой; сидел он на ёлке — на самой верхушке.

Время шло, а Ленина всё не было.

И тут ребята услышали, как кто-то из больших сказал вполголоса:

— Ну, в такую метель, конечно, не приедет.

Ребята опять побежали к старому завхозу.

Завхоз сказал строго:

— Не приставайте! Говорю: раз он сказал, что приедет, значит приедет.

Стали опять ждать. На дворе ветер свистит, сухой снег звонко бьёт в стёкла окошек. Так за этим шумом и не слышно было, как подъехала к школе машина. Из машины вышел Владимир Ильич.

Он поднялся по лестнице, разделся, вытер платком мокрое от растаявшего снега лицо. И сейчас же пошёл в большую комнату, к ребятам.

Те сразу его узнали: сколько раз они ви-

дели портрет Ленина! Но почему-то растерялись сперва — стояли, не двигаясь с места. Глядели на Ленина и молчали.

Владимир Ильич ждать долго не стал. Он хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки умеет играть?

Первой ответила самая большая девочка Вера:

— Я!

— И я! — закричал громко мальчик Лёша.

— Ну, тогда тебе и быть кошкой, — сказал Владимир Ильич.

Ребята стали в круг. А ёлка посередине. Мышкой назначили маленькую Катю. Лёша кинулся за Катей — её легко было поймать. Но она ухватилась за Ленина. И Владимир Ильич поднял её высоко на руки:

— Не достать кошке мышку!

Потом мышкой был Сеня. Лёша поймал его, схватил и стал мышкой, а Сеня — кошкой.

Играли долго, и всем стало жарко.

Тут открылась дверь, и в комнату вошёл большой серый слон. Ребята завизжали хором. Правда, многие из них сразу разглядели знакомый серый чехол от школьного рояля. Но кто под чехлом? Чехол медленно раскачивался, впереди шевелился длинный хобот; передние ноги слона были обуты в валенки, а задние — в ботинки. Если не придираться, это было очень похоже на настоящего слона. Слон, похрюкивая, прошёл вокруг ёлки, помахал на прощанье хоботом и опять вразвалку зашагал к двери. А за дверью из-под чехла вылезли монтер Володя и школьный сторож; оба были мастера на разные выдумки. Вылезли они из-под чехла и вернулись в комнату. А там хохотали ребята, от этого хохота подпрыгивал дед Мороз на верхушке ёлки.

Много ещё весёлого было в тот вечер.

Кто-то из ребят крикнул:

— Теперь в жмурки! В жмурки!

Владимир Ильич вынул платок, завязал себе глаза.

Монтер Володя скорей передвинул ёлку в самый угол, и в комнате стало просторно.

Ленин расставил руки и пошёл вперёд на цыпочках.

Ребята разбежались кто куда.
Потом стали подкрадываться к Владимиру Ильичу и кричать:

— Жарко!

А когда Владимир Ильич был совсем близко, ребята кричали ему:

— Обожжёшься!

А то присядут на корточках под самой рукой Ленина — он и не заденет, пройдёт мимо.

Тогда они начинают кричать:

— Холодно, замёрзнешь!

Ленин увидел, что все дети очень проворные, играют ловко и, видно, долго ему придётся ходить с завязанными глазами.

Тогда он притворился, что пойдёт вперёд, а сам мигом повернулся на носках и схватил первого попавшегося, кто был у него за спиной.

Ребята закричали, как полагалось:

— Узнай, узнай!

А пойманный смеялся и старался вырваться. Это был мальчик Сеня.

Владимир Ильич пощупал у него волосы, провёл пальцем по лбу, по щекам:

— Сеня!

Сене было и жалко, что он так попался, и приятно, что Ленин его запомнил.

Потом маленькая Катя читала стихи Пушкина, да сбилась. И заплакала.

Ленин стал её утешать.

Катя перестала плакать, вытерла платочком слёзы и сказала:

— Ленин, а ты не уезжай от нас! Так и живи тут.

Ленин засмеялся:

— Да я и так неподалёку живу.

Потом все принялись бегать вокруг ёлки. Маленькая Катя бежала рядом с Владимиром Ильичём. Он держал её за руку. У Ленина рука была большая, тёплая.

В это время Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, внесли в комнату большую корзину с подарками. Эти подарки привёз ребятам Ленин.

Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан. Катя получила куклу.

А Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал.

Вот такая была ёлка в Сокольниках в 1919 году.

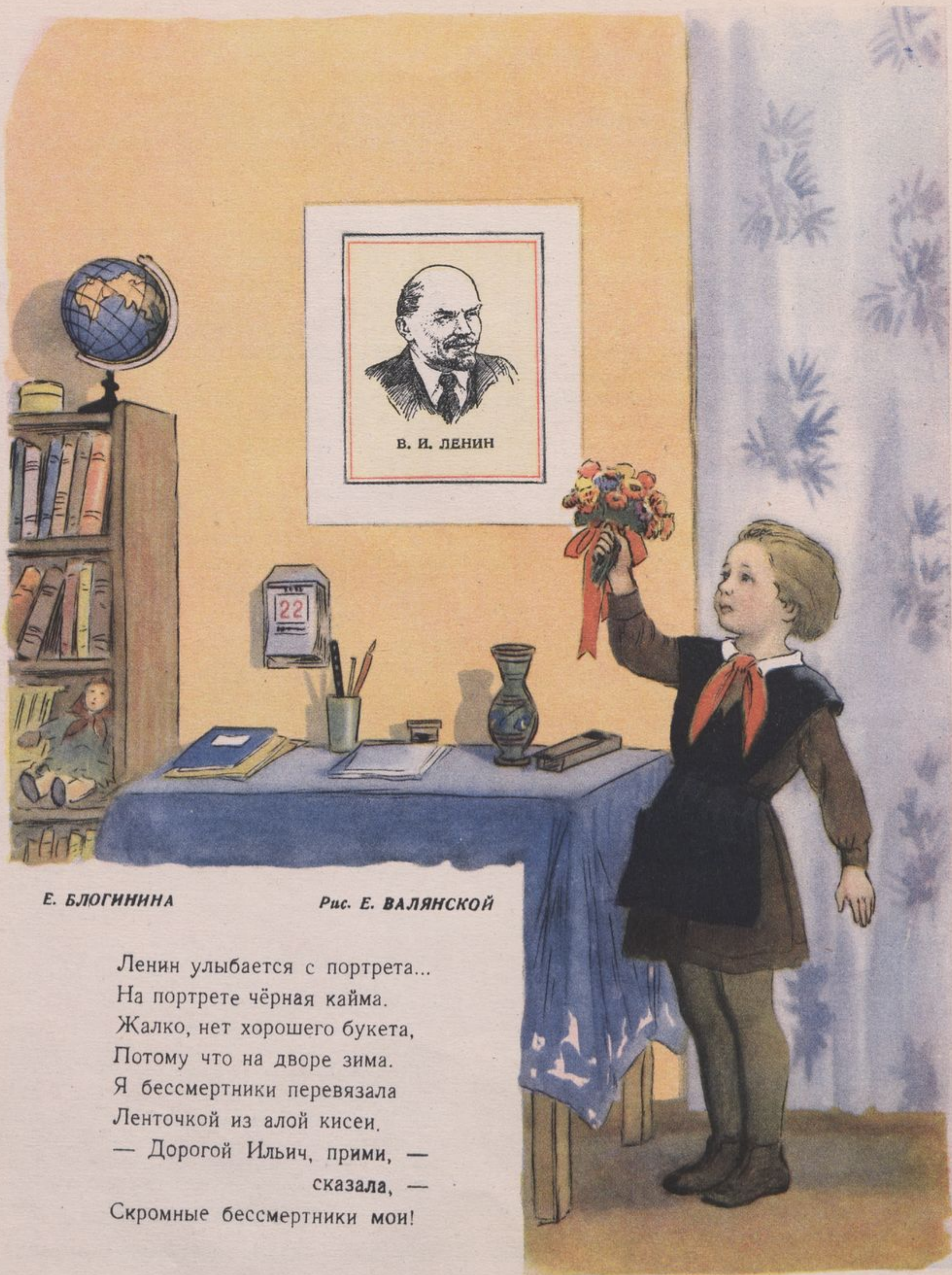
Г. БОРЯН

Е л ь

Когда я по саду гуляю,
Я вижу: у самых ворот
На взгорье большая, густая
Зелёная ёлка растёт.
Шумит она гордо ветвями,
Едва наступает весна.
Спокойна осенними днями,
Ей вьюга зимой не страшна.
Снегами покроются доли,
Умолкнет ручей подо льдом.
Но ель остаётся весёлой

В зелёном наряде своём.
Деревья раздетые плачут,
Грустят о далёком тепле.
Но ель зеленеет — и значит,
Настанет весна на земле.
И песня весны не умолкла.
Придёт она! Скоро придёт!..
Люблю я весёлую ёлку
На взгорье, у наших ворот.

Перевёл с армянского Л. ГИНЗБУРГ

Е. БЛОГИНИНА

Рис. Е. ВАЛЯНСКОЙ

Ленин улыбается с портрета...
На портрете чёрная кайма.
Жалко, нет хорошего букета,
Потому что на дворе зима.
Я бессмертники перевязала
Ленточкой из алой кисеи.
— Дорогой Ильич, прими, —
сказала, —
Скромные бессмертники мои!

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Л Е С

Высоки горы, широка раздольная степь, глубоки быстрые реки, зелены и просторны леса нашей прекрасной родины.

Без конца, без края — на тысячи километров — протянулась сибирская великая тайга. Сплошными лесами покрыты Уральские горы, высокий Кавказ. От полей Белоруссии и украинских чернозёмных степей до безлюдной холодной тундры раскинулись

по стране нашей зелёные лесные просторы.

Много маленьких ручейков, рек и речушек протекает, журчит в лесной тишине.

Великую пользу приносит лес человеку. С незапамятных времён строят люди из брёвен свои дома. Из дерева делают бесчисленные, необходимые для жизни предметы. Дровами отапливают жилища.

Леса очищают воздух вблизи городов и

многолюдных заводов. Там, где много лесов, не бывает губительных засух и неурожаев. Леса смягчают климат, охраняют влагу, опавшей листвою из года в год удобряют почву. Из тенистых лесов вытекают судорожные реки нашей страны. Лесными ручьями, болотами питаются большие многоводные озёра.

Советские люди любят и берегут родные леса. В нашей стране много учёных-лесоводов, лесничих и агрономов. Они разводят и охраняют леса, закладывают лесные питомники, ведут лесное хозяйство.

Советские люди научились переделывать природу. На далёком севере нашей страны, где раньше рос мох да краснела брусника, теперь колосятся, созревают хлеба, зеленеют богатые огороды. В степях и знойных пустынях, орошённых водою рек, сажают

сады, снимают обильные урожаи. Зелёными, весёлыми деревьями украшаются города.

Чтобы навсегда покончить с неурожаем, советское правительство распорядилось разводить молодые леса в засушливой местности—в Поволжье и на Украине.

В каждом степном колхозе, в каждой колхозной школе начнётся большая работа. Там, где ещё не было лесов, где сгорали от засухи хлебные посевы, где знойный ветер разносил по степи летучие пески, где вешние воды размывали овраги и уносили с полей плодородную почву,— больше не будет неурожаев. Чистой водою наполнятся пруды и водоёмы. По простору степей на тысячи километров раскинутся зелёные заслоны, весело зашумит молодой лес — верный друг человека.

Полным хозяином станет человек над землею.

СКАЗКА О СОЛОВЬЕ

Соловьи в пустыне не поют — это известно всем.

Наш городок стоял не в пустыне, а довольно далеко от неё, — в гладкой, как ладонь, степи, на берегу Сухоречки. Но соловьи здесь тоже не водились. Этих птишек мы знали только по картинкам да по басне Крылова, где соловей и щёлкал и свистал

На тысячу ладов, тянул, переливался,
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роше
 рассыпался...

Басня нам нравилась, но мы понятия не имели о том, как эта птичка щёлкает, свищет, переливается и прочее. Не представляли мы себе и рощи, где могла рассыпаться какая-то соловьиная дробь. Рощ у нас не было и в помине. На весь городокросло одно единственное дерево — старый тополь во дворе исполкома. Тополь наполовину высох, и серая зелень торчала на нём клочьями, как шерсть на облезлом верблюде.

Летом над городком висели тучи горячей пыли, в пяти шагах нельзя было увидеть человека, солнце походило на раскалённый пятак, и мы смотрели на него, ничуть даже не прищуриваясь.

А зимой кружились в степи мутные бураны. В эту пору не то что за пять шагов, но и за два шага не было видно ни зги. Учительница Ксения Петровна говорила, что «зга» значит колечко на дуге, к которому привязывают колокольчик. Ксения Петровна объясняла много непонятных слов, а то, чего она не знала, подробно растолковывал нам сторож исполкома Гурий Липатыч. Было ему лет девяносто, а то и сто. Он на любой вопрос отвечал. За девяносто лет, конечно, многому можно научиться. Поэтому, как что попадалось непонятное, ребята тут же бежали к Липатычу.

Новому человеку наши места казались унылыми. Сейчас я понимаю, что так оно и

было, но тогда мы обижались, если какой-нибудь приезжий говорил:

— Ну и скучно вы живёте! Ни дерева, ни воды...

— Почему скучно? — спорили мы. — Обыкновенно живём. Это вам просто не повезло. Вы не тогда приехали. Вот если бы весной, так у нас в Сухоречке воды через край, и степь, как изумруд, зелёная, и цветов — уйма: тюльпаны, маки, пионы...

Мы помалкивали, конечно, что такая весёлая жизнь длилась всего две-три недели, а затем наступал зной. Из пустыни дул горячий ветер — суховей. Цветы никли, трава выгорала, степь становилась жёлтой, колючей, и овцы переходили речку, не замочив копыт. Вода бежала уже где-то под камнями и там чуть-чуть поблёскивала.

Вот точно такой же разговор про скучную жизнь вели мы с москвичом Петей Вороновым. Он приехал к нам в городок надолго, так как собирался кончать здесь школу-десятилетку, и поступил в наш, третий класс. Петя рассказывал нам о Москве, а ребята сидели и время от времени ахали.

Но однажды он начал плести такое, что мы даже застеснялись. Ну зачем врать? Не хорошо ведь. А ещё пионер!

А сказал нам Петя вот что:

— Скоро жизнь у вас пойдёт другая. Вот как только папа разведёт здесь лес...

— Какой лес? — закричали мы.

— Обыкновенный лес, — продолжал Петя. — Деревья разные.

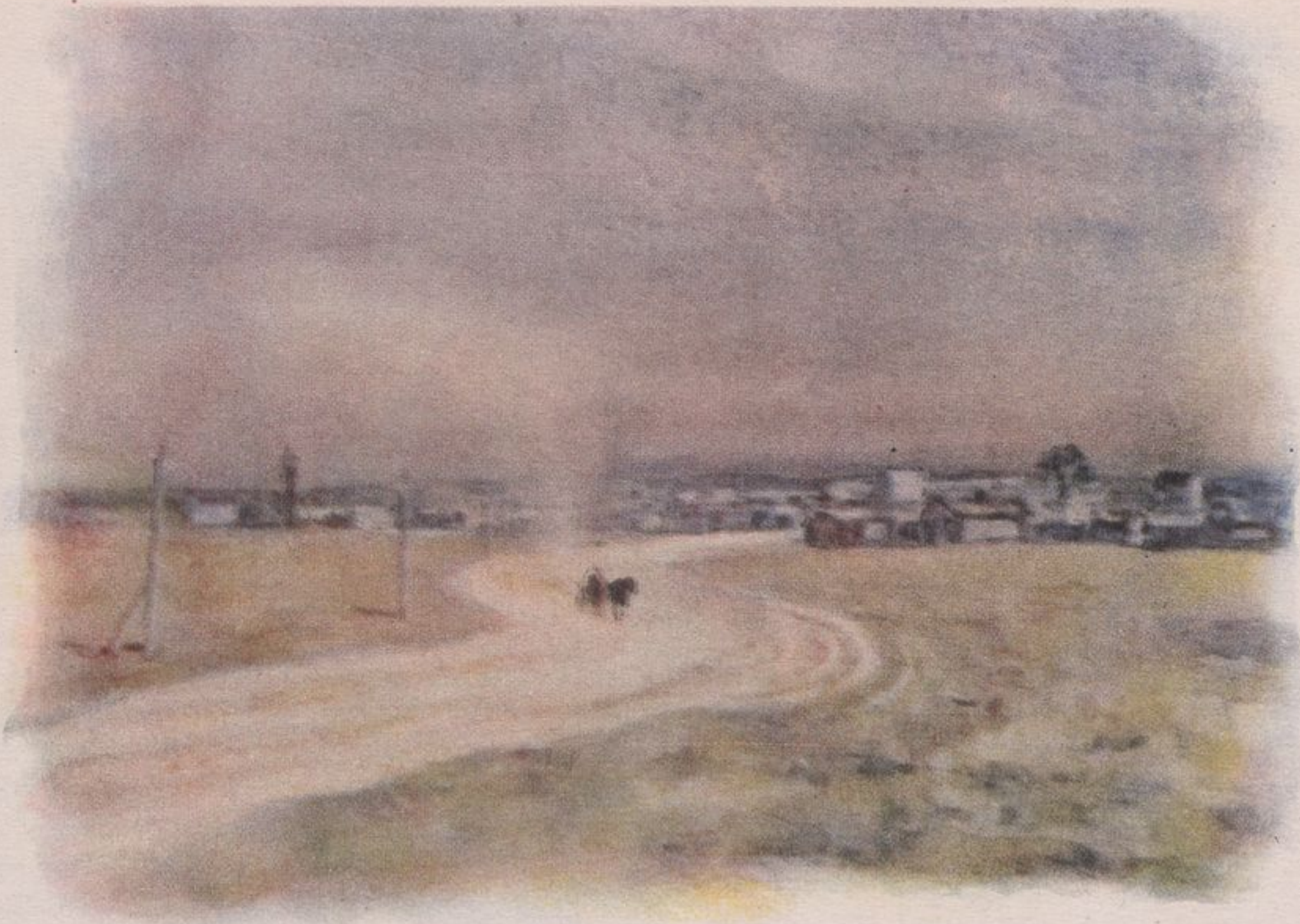
Тут мы ехидно стали его подзадоривать:

— Ты ещё скажи: вишни, мол, яблоки, груши, абрикосы...

— Ну да, — говорит он. — Так и скажу: вишни, яблоки...

И так нам стало обидно, что побежали мы тут же к Липатычу, а Пете-вруну даже «до свиданья» не сказали.

Липатыч сидел во дворе исполкома и, слушая нас, курил свою вечную трубочку-носогрейку.

— Человек, ежели захочет, всегда добьётся, — неопределённо сказал он.

— Значит, и лес в степи может развести? — не выдержал я.

— Погоди, малец, — поморщился Липатыч, — ты меня не перебивай. Так вот: всего добьётся. Но в природе всё по закону расписано. Леса там растут, где вода да прохлада. А южнее лесов степи начинаются. Дальше, значит, где жара да сушь, откуда к нам суховеи дуют, пустыни пойдут, а за ними горы или море-окиян. И супротив природы не попрёшь. На нашей земле, кроме телеграфных столбов, ничего не вырастет.

— А тополь? — возразили мы.

— Ну что ж тополь... — хмыкнул Липатыч. — Один в поле — не воин. За сто лет только один тополь и вырос. Да и тот, должно быть, какой-то ненормальный.

И он жалостливо поглядел на высокую метлу с клочьями пыльной зелени.

Мы тоже посмотрели на тополь, вздохнули и подумали, что Липатыч, должно быть, прав.

Но Ксения Петровна рассердилась и на нас и на Липатыча.

— Вы должны запомнить, — говорила она: — если лес человеку нужен, он его вырастит.

И тут мы узнали, что лес большую пользу нам приносит. Без него, оказывается, реки мелеют, земля портится, горячий ветер зерно выдувает, и от этого бывают неурожай. А если на пути суховея поставить зелёные заборы из деревьев, то ветер ударится об эту преграду, задержится и ослабеет. Мы узнали, что деревья влагу хранят, что снег под деревьями да под кустами не так скоро тает, и земля становится уже не такая сухая, и на ней действительно яблоня или даже абрикос может вырасти.

Вот так-так!.. Выходит, зря мы Петю обидели.

А вскоре пришлось мне покинуть родные места, потому что отца перевели на работу в волжский город Вольск. Тут только я понял, что это такое, когда говорят: «город утопает в зелени». Здесь же в городском саду слышал я соловья и пожалел своих дальних ребят-товарищей. Даже письмо им написал о том, как соловей поёт. Слов для этого у меня было маловато, и я признал их у дедушки Крылова.

Ребята мне ответили. В нашем городке всё было по-старому. Писали мне, что деревьев в городе ещё нет, что вместо соловьёв попрежнему свистят в степи суслики, что старый тополь живёт-поскрипывает, а Липатыч сердится и говорит, что время пошло ненормальное: раньше, мол, старики сказки рассказывали, а сейчас наоборот пошло: молодые — старым.

За шесть лет, что прожили мы в Вольске, я только одно это письмо и получил. И сам больше не писал. Город новый, товарищи новые, не до писем было... Мало-помалу стал я забывать родной городок.

А когда переходил я в восьмой класс, отец мне и говорит:

— Хочешь, Сергей, на родину съездить? Я туда на несколько дней отправляюсь. Интересно посмотреть, как наш городок поживает.

Наконец кончились экзамены. Перешёл я в следующий класс. Сели мы в поезд и поехали. Дорога была не близкая, только к концу второго дня, на закате, увидел я знакомую голую степь и сухие русла рек.

От станции до нашего городка нужно было, как я помнил, добираться на лошадях километров сорок или пятьдесят. Но сейчас тут проложили ветку железной дороги. Маленькие вагончики ожидали прихода нашего поезда.

Мы двинулись, когда небо совсем уже потемнело и над степью взошла луна. За дорогу я сильно устал. Вагончик качался, как люлька, колёса потихоньку постукивали. Рядом с поездом, не отставая, плыла луна. Бледноголубой её свет заливал всю степь.

Глаза мои стали слипаться. Я задремал, и мне показалось, будто мы поехали быстрее, потом что-то тонко-тонко загудело, засвистало, зашипело. Поезд дёрнулся и остановился.

Мы вышли из вагона. Странная прохлада охватила нас, и сквозь сладкую дрему, издали дошёл до меня глуховатый голос отца:

— Пойдём пешком, Сергей. Поглядим, каким он стал, наш родной городок.

Тёмная аллея повела нас от станции в глубь какого-то сада. Сквозь чёрные ветви деревьев блеснула голубая полоска — это было озеро. Большая серебряная луна отражалась в нём, как в зеркале... И я вдруг

испугался: вдруг всё это сон, вдруг я проснусь и всё исчезнет?..

И я тихо сказал отцу:

— Не торопись, ты меня разбудишь.

А отец засмеялся, но тоже тихо ответил:

— Ты думаешь — это сон? Это не сон, а самая настоящая явь. Слушай! — и он сжал мою руку.

И тут я услышал чудесную соловьиную трель, затем раздался нежный переливчатый свист, похожий на звуки флейты, щёлканье, и певучий поток будто полетел с огромной высоты по хрустальным ступенькам.

— Слушай, Сергей, — снова донёсся до меня сквозь соловьиное щёлканье отцовский голос: — это соловьи... Ты не услышишь их уже до будущего года...

Утром, проснувшись от давно знакомого резкого степного солнца, я подошёл к окну, распахнул его настежь и увидел широкую площадь родного городка. В самом центре площади зеленел небольшой скверик. А за ним стоял знакомый дом исполкома, окружённый чёрными свечами тополей. Среди них тянулся к небу высокий, тощий, почти совсем без зелени, старый тополь.

Днём всё выглядело немножко не так, как ночью. И деревья были не такие пышные, тонкий слой степной пыли покрывал листву. Всё было по-другому: школа, где я учился, стала будто поменьше, Ксения Петровна казалась не такой строгой, и мои товарищи стали почти взрослыми. А Петя Воронов, должно быть, давно позабыл о том, как мы не верили ему и думали, что он нас обманывает. Ребята рассказывали мне, как вместе со всеми запрудили они Сухоречку, как сажали лесные полосы — деревья и кустарники. Зелёным щитом прикрыли они городок и землю вокруг него от горячих ветров.

— А яблоки у вас тут растут? — спросил я, вспомнив нашу первую ссору с Петей.

— Вот тут ты рановато приехал, Серёжа, — засмеялся он. — Но осенью можешь попробовать яблочка. Мы соберём первый урожай в нашем школьном саду.

Сад зеленел позади школы. Меж деревьев стояли пчелиные ульи, и рядом с ними грелся на солнышке старенький, седой Гурий Липатыч.

— Ему уже больше ста. Ты с ним погромче, Сергей. Он стал плохо слышать.

— Здравствуйте, Гурий Липатыч! — закричал я, подходя к нему.

Он пристально поглядел на меня слезящимися глазками.

— Никак Серёжка? — нерешительно прошамкал Липатыч. — Ишь какой вырос!

— Нынче всё растёт, Липатыч, — громко сказал я. — Даже леса в степи растут. И наш старый тополь уж не один воин в поле.

— А что я говорил, — оживился Липа-

тыч. — Я ж тебе говорил: человек, ежели захочет, всего добьётся. Он тебе землю-матушку перевероршит, сады в пустынях разведёт, вместо суслика соловья свистеть заставит.

Мы с ребятами переглянулись, но Петя Воронов сказал тихо:

— Это ничего. Где ж ему всё запомнить! Хорошо, что он не забывает главного: человек всего добьётся, если захочет.

А. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ

Жарким летом каждый год
В стороне степной
Из растений влагу пьёт,
Сушит землю зной.

Было так.

Но человек
Наших смелых дней
Повернёт течение рек
В глубь седых степей.

И в песках живую синь
Расплеснут пруды,
Зацветут среди пустынь
Парки и сады.

Лес зелёною стеной
Встанет на пути
Чёрных бурь, что сушью злой
Всё грозят смести.

Силе трав, лесов и вод
Покорится враг!
Человек их в бой ведёт —
Значит, будет так!

А. НЕКРАСОВ

Рис. Е. ВАСИЛЬЕВА

ХОРОШИЙ ВЕЧЕР

Большой грузовой пароход возвращался из дальнего плавания. За кормой у него развевался красный советский флаг.

Кругом бушевал океан. Клочья пены неслись над волнами, злобный ветер свистел в снастях. А на самом верху парохода, на капитанском мостике, стоял капитан и зорко смотрел вперед.

Наконец в туманной дымке на краю хмурого неба он заметил полосу земли. Капитан постоял ещё, посмотрел на далёкий берег и пошёл в радиорубку. Там он сел на складной стульчик, написал в блокноте несколько слов и подал радисту.

Радист прочитал, посмотрел на капитана и спросил:

— А это точно, Георгий Иванович, поспеем?

— Поспеем, Василий Васильевич, — ответил капитан. — К утру будем в Лондоне, там, от силы, три дня постоим, возьмём угля на дорогу, а оттуда нам четверо суток ходу. Вот и считай. Новый год встретим дома.

А на другой день в Ленинграде, на Васильевском острове, в квартире у Громовых раздался звонок. Женя сразу проснулась, подбежала к двери и строго спросила:

— Кто там?

— Почта! — ответил голос за дверью.

«Ну, так и есть, принесли газеты. Значит,

проспала», — подумала Женя и открыла дверь.

Но вместо газет почтальон принёс телеграмму. Он посмотрел на Женю сверху вниз и спросил:

— Расписаться-то сумеешь?

— Я диктанты умею писать. Мне ещё только две четверти проучиться, и в третий класс перейду, — сказала Женя.

— Вот оно что! — удивился почтальон и подал Жене раскрытую книжку с карандашиком. — Вот тут и пиши, — сказал он, — видишь: Громовой Евгении Георгиевне.

— А это не нам, — сказала Женя, — у нас таких нет.

Но тут из своей комнаты вышла мама, развела руками и звонко рассмеялась на всю квартиру.

— Ах ты, малышка моя, ах ты, глупышка моя! — сказала мама. — Ведь это тебе телеграмма. Ты-то разве не Евгения Георгиевна? — И, подхватив Женю одной рукой, она другую руку протянула за карандашом.

Но Женя ловко спрыгнула на пол, сама схватила карандаш, старательно вывела, где нужно: «Громова Женя», и пока мама закрывала дверь, уже уселась к своему столу, распечатала телеграмму и ахнула: на голубом бланке в три строчки пестрели чёткие, крупные, но только не русские буквы,

и понять что-нибудь было совершенно невозможно.

Женя чуть не заплакала от огорчения. Но тут, как всегда в трудную минуту, пришла на выручку мама.

— Ну, о чём же плакать? — сказала она. — Телеграмма от папы, а шла она через Англию. Англичане по-русски писать ещё только учатся, а мы по-английски давно умеем читать. Вот эта буква «пи», эта — «о», эта — «ди»... Бери-ка тетрадку.

Женя открыла чистую тетрадку в две линейки и буква за буквой, под мамину диктовку, так и написала, как в телеграмме:

«Подходим к берегам Европы готов побольше пиатерок и красивую елку. Новый год встретим вместе поцелуй маму и не скучай папа».

Женя прочитала телеграмму, поцеловала маму и закружилась по комнате. Но тут она вспомнила, что нужно ещё умыться, одеться, собрать книги, позавтракать...

А ещё через полчаса, совсем готовая, с книжками в руках, она стояла в передней и всё не могла успокоиться:

— У нас в первом классе девочки и то лучше пишут. Этим бы англичанам дать диктант... Им бы Лидия Васильевна двоечко наставила!.. Ну, «не скучай», мамочка, я тебе одних «пиатерок» принесу! — И, хлопнув дверью, Женя помчалась вниз по лестнице. Слышно было, как звонко стучат по ступенькам её весёлые каблучки.

Ещё до уроков Женя рассказала подружкам о телеграмме, и все её поздравляли. И Варю Бабаеву из третьего класса тоже все поздравляли. Варя хоть и не получила телеграммы, но её папа плавал кочегаром на том же пароходе — значит, и он тоже приедет к Новому году.

Из школы Женя и Варя пошли вместе, а по дороге решили и ёлку устраивать вместе. И с этого дня до самого Нового года они только и думали о своей ёлке: как убрать её понаряднее, кого из подруг пригласить, чем угостить, как одеться...

И когда, наконец, наступил новогодний вечер и гости собрались, они увидели небольшую, но замечательно красивую ёлку, убранную огромными хлопушками, золочеными орехами, стеклянными сосульками, разноцветными флажками, какими-то необыкновенными самодельными игрушка-

ми и тонкими нитками сверкающей канители.

До Нового года оставались считанные часы, но Женя ни минуты не сомневалась, что папа явится во-время. Он никогда её не обманывал.

* * *

А с Георгием Ивановичем Грозовым произошло вот что:

В тот самый день, когда почтальон отдал Жене телеграмму, он привёл свой пароход в Лондон и благополучно поставил его к одному из причалов Индийских доков. Потом он закурил трубку и отправился в город, в угольную контору.

Тут, в конторе, он встретил знакомого агента по снабжению пароходов углём — старика Маккерти.

Георгий Иванович очень обрадовался, но с первых же слов понял, что радоваться рано.

— Вы хотите угля? — сказал Маккерти. — Угля нет, сэр! Придётся подождать дней десять-двенадцать...

— Позвольте, — возразил Георгий Иванович, — как же так? По договору вы должны снабжать нас углём немедленно.

— Договор — не уголь, сэр, — ответил старик. — Договор есть, а угля нет! Не забывайте, сэр, что Англия воевала.

— Так ведь и мы воевали, и нам пришлось потруднее вашего, — сказал Георгий Иванович, — а побывайте в любом советском порту: везде есть уголь, сколько угодно угля.

— Я не знаю, что есть у вас, — рассердился старик, — зато я знаю, чего нет у нас. У нас нет угля, у нас нет хлеба, у нас нет леса... Я не знаю, сэр, как живут в России, но я знаю, что здесь, в Лондоне, я пью кофе без сахара, получаю двадцать восемь граммов бекона в неделю и ношу рваные сапоги... — тут старик выставил вперёд ногу и громко топнул рваным ботинком. — Вот, — сказал он, — смотрите: если в Лондоне носят такие сапоги — значит, вся Европа ходит босиком. Если англичанин не имеет права съесть пять граммов свинины в день — значит, вся Европа умирает с голоду... Вы говорите, что в России есть хлеб и башмаки. Я не знаю этого, сэр, и я вам не поверю...

Георгий Иванович не стал спорить с упрямым стариком и поехал в город хлопотать об угле. Но и там ничего не вышло. Чиновники, как попугаи, повторяли: «Угля нет, сэр. Не забывайте, что Англия воевала, сэр... Трудные времена, сэр!»

Поздно вечером Георгий Иванович вернулся на пароход и за ужином рассказал о своей неудаче. Моряки выслушали неприятную новость, помолчали. Потом кочегар Бабаев предложил:

— Не дают угля, хотят нам план сорвать. А только не выйдет это. Мы время терять не будем. Пока стоим, приведём пароход в порядок. А под Новый год устроим ёлку и пир горой: пусть посмотрят, как мы живём!..

На большом пароходе всегда есть к чему приложить умелые руки: там ржавчина пробралась под краску, там потёк кран, там волной вышибло дверь, там насос не качает воду... И замелькали в руках моряков рубанки и стамески, напильники и молотки, жёсткие щётки и мягкие кисти.

В дружной работе незаметно пролетело время, и однажды утром радист Василий Васильевич сорвал последний листочек календаря. Потом он оделся и пошёл на берег за ёлкой. Вернулся он не скоро, без ёлки и злой, как тигр.

— Это что же такое? — ворчал он сердито, разводя руками. — Ну, пускай сапоги по карточкам, ну, пускай хлеб по карточкам или, допустим, табак... Но ёлку, понимаете, ёлку, и ту по талонам... А где у меня эти талоны, откуда я их возьму? Так и ушёл ни с чем. Как хотите, ребята, придётся без ёлки.

Георгий Иванович услышал этот разговор и вспомнил о своей телеграмме. Он поднялся к себе в каюту, достал фотографию Жени и долго разглядывал её зазорные глаза и курносый, пугловый нос.

— Эх, дочка, дочка, обманул тебя папка, испортил праздник... Что ж поделаешь, наша служба такая... — сказал он наконец, и стало ему очень грустно.

Вдруг замечательная мысль пришла ему в голову. Он поскорее надел пальто, фуражку, перчатки и пошёл на берег.

Погода, и без того скверная, испортилась окончательно. Туман, с утра нависший над городом, стал вдвое гуще, и сквозь туман медленно падал с неба мокрый, противный

снег. Прохожих на улицах не было, а если и были — туман и снег превращали их в невидимок. Но Георгий Иванович хорошо знал дорогу, и ему даже нравилось, что на улицах так пустынно. Он шёл не спеша, думал о Ленинграде...

Вдруг откуда-то прямо у него на дороге появилась маленькая девочка в стареньком клетчатом пальто. Она посмотрела на Георгия Ивановича и тихо сказала:

— Не купите ли вы спички, сэр?

Георгию Ивановичу не нужны были спички, но он всё-таки остановился, достал несколько монеток и отдал девочке.

— Спасибо, сэр! — сказала девочка и пропала в тумане.

Георгий Иванович посмотрел ей вслед и пошёл дальше.

У Жени на ёлке веселье было в самом разгаре. Варя играла на пианино, девочки пели. Читали стихи.

А ровно в восемь часов вечера мама поманила Женю в сторонку и тихонько сказала:

— Приглашай девочек к столу.

— А папа? — спросила Женя.

— Папа приедет позже, он, наверное, задержался, — сказала мама.

— Мамочка, мы подождём...

— Нет, Женя, нельзя, уже очень поздно, — сказала мама.

— Подождём ещё хоть полчаса, ну, мамочка... — взмолилась Женя.

Но мама строго сказала:

— Сейчас же зови девочек к столу, или мы с тобой поссоримся...

Гости шумно садились за стол, разглядывали большой сладкий пирог, на котором из теста были выпечены цифры «1949». Девочки перешёптывались, пересмеивались, переглядывались. Всем было очень весело, а Жене этот вечер, такой радостный вначале, вдруг показался очень грустным: папа не приехал, с мамой чуть не поссорились...

И, садясь рядом с Варей за стол, Женя так старалась улыбаться, что чуть не заплакала.

Вдруг необычно длинным, упрямым звонком зазвонил телефон. Женя сразу вскочила, опрокинула стул, двумя руками вцепилась в трубку и крепко прижала её к уху.

— Не отходите от телефона, — сказал из трубки сухой женский голос, — будете говорить с Лондоном...

Потом всё замолчало в трубке, и в комна-

те тоже все замолчали, потому что Женя так выразительно подняла руку, требуя тишины, что никто не посмел ослушаться.

И вдруг голос, близкий и незабываемо знакомый, родной папин голос, спросил:

— Это кто?

— Это я, папочка, это я! — закричала Женя.

— Здравствуй, дочка, поздравляю тебя с Новым годом, с наступающим сорок девятым!.. — сказал папа. И Женя ответила:

— И тебя также. Мы с мамой обе тебя поздравляем, и все девочки тоже тебя поздравляют, папочка дорогой. И Варя Бабаева поздравляет своего папу, и мы все тоже его поздравляем.

— Весело вам? Ёлка у вас нарядная?

— Сейчас весело, очень весело, — сказала Женя, — и ёлка такая нарядная... А было совсем грустно без тебя.

— И мне тоже без вас было грустно, а сейчас ничего... Ну, давай сюда маму и продолжай веселиться. Теперь скоро увидимся, обязательно.

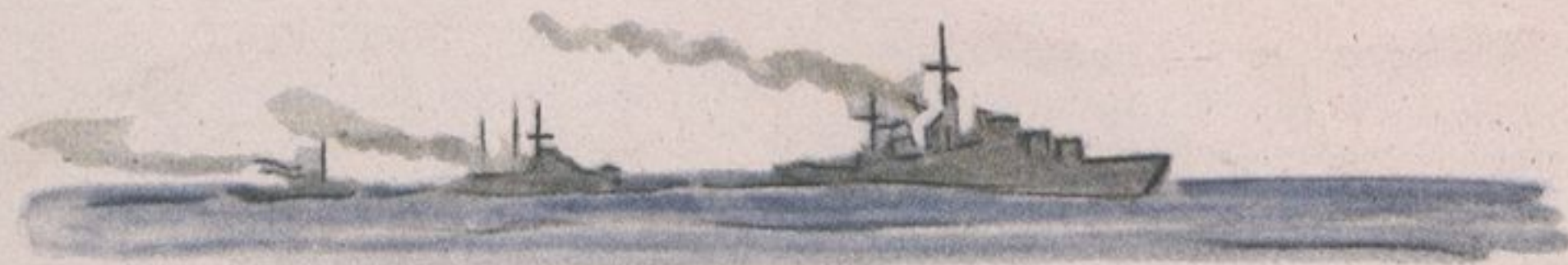
Женя, как драгоценность, отдала маме трубку и тут только вспомнила, что ничего не сказала папе о своих пятёрках.

— Мамочка, — шопотом сказала она, — скажи папе, что у меня все пятёрки... — и чтобы маме было понятнее, она растопырила пальцы и подняла обе руки кверху.

Но мама не слышала и не видела ничего. У неё были свои какие-то разговоры с папой, и столько счастья светилось в её лице, что Женя решила не мешать ей лучше. Она тихонько, на цыпочках, отошла от телефона, осторожно подняла стул и села на своё место.

А потом мама повесила трубку, подошла к столу, помолчала и сказала:

— С Новым годом, девочки, с новым счастьем, с новыми успехами!

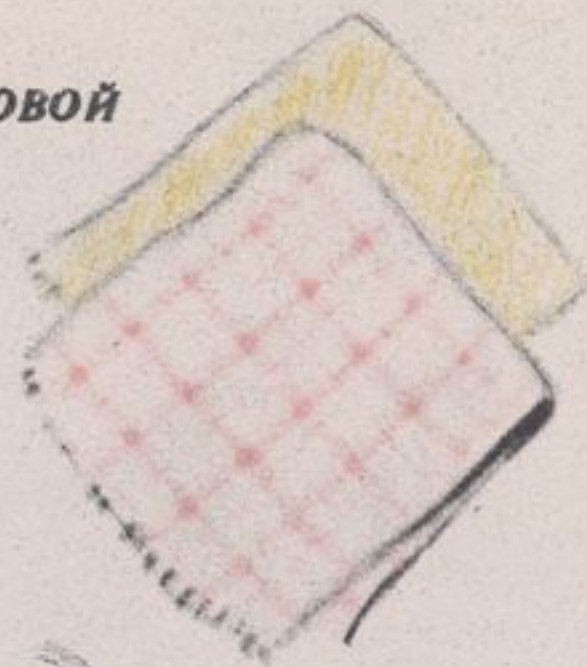
КУКЛЁНОК

Н. АРТЮХОВА

Рис. Н. УШАКОВОЙ

Новый крошечный куклёнок!
До чего ж куклёнок мал!
Я нашью ему пелёнок,
Распашонск, одеял.
Будут валенки для ног,
Будут варежки для ручек.
Это куколкин сынок,
Это мой любимый внучек,
Папин, мамин правнук,
Дедушкин праправнук!

ТЕЛЕЖКА

М. ПОЗНАНСКАЯ

Славную тележку
Смастерил я сам:
У неё четыре
Круглых колеса.

Сел я на тележку
Натянул вожжу.
Брат меня катает,
Брата я вожу.

*Перевод с украинского
З. Александровой*

Рисунок на обложке Б. Дехтерева—«Дом в Симбирске (Ульяновске), в котором жила семья Ульяновых с 1870 по 1875 год».

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. ГУБЕР

Год издания двадцать шестой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сушёнская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-08.
2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л.

Подписано к печати 4/1 1949 г.
Тираж 105 000 экз.

А01252.

Объём 3 печ. л.

Заказ 2276.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушёнская, 21.

Возьми чистый лист бумаги, сложи его пополам и на одной стороне перерисуй левую или правую половину этого рисунка. По контуру вырежь рисунок ножницами, разверни вырезанное и положи на тёмную бумагу. Таким же способом можешь нарисовать и вырезать другой рисунок.

10 FEB 1949